

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. — Москва : Прометей, 1994. — 352 с.
2. Барт Р. Camera Lucida / пер., коммент. и послесл. М. К. Рыклина. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 53 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — Москва : Меддум, 1996. — С. 163—209.
4. Дыко Л. П. Беседы о фотомастерстве. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Искусство, 1977. — 111 с.
5. Зонтаг С. О фотографии. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. — 272 с.
6. Круткин В. Л. Фоторепортаж как источник социологической информации // Социологические исследования. — 2012. — № 3. — С. 65—76.
7. Лапин А. Фотография как... : учеб. пособие. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 2003. — 296 с.
8. Лишаев С. А. Помнить фотографией. — Санкт-Петербург : Алетея, 2012. — 140 с.
9. Митчелл Э. Фотография : пер. с англ. — Москва : Мир, 1988. С. 28.
10. Михалкович О. И., Стигнеев В. Т. Поэтика фотографии. — Москва : Искусство, 1989. — 296 с.
11. Пожарская С. Фотомастер. — Москва : Пента, 2001. — 336 с.
12. Салаев М. И. Документальное и постановочное в фотографии. URL: <http://media-shoot.ru/publ/30-1-0-301>
13. Усманова А. Между искусствознанием и социологией: о предмете и методе «визуальных исследований» // Визуальные аспекты культуры — 2006 : сб. науч. ст. / под. ред. В. Л. Круткина, Т. А. Власовой. — Ижевск : Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2006.
14. Фото-тур: сайт о фототуризме. URL: http://phototour.pro/library/master/Lewis_Nine/
15. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебник / пер. с пол. Н. В. Морозовой ; авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. — Москва : Логос, 2007. — 168 с.
16. Cheatwood D., Stasz C. Visual Sociology // Images of information. Still photography in the social sciences. Ed. by J. Wagner. Beverly Hills: Sage, 1979. P. 301—308.

Вопрошая Время
(заметки преподавателя философии)

Быть слушателем здесь преимущество¹.

Фридрих Ницше

Одна из проблем, с которой нередко сталкивается преподаватель философии, — проблема восприятия и понимания студентами философских текстов. И дело здесь не только в объективной трудности: овладении категориальным философским аппаратом и т. п. — проблематичным является само отношение к философским текстам.

Как нам (преподавателям и студентам) следует к ним относиться (воспринимать их)? Как обязательную университетскую программу, от которой зависит успешная сдача зачета или экзамена, или как часть великого культурного наследия, благоговейное отношение к которому возрастает прямо пропорционально сложности и непонятности текста?

А что если попытаться воспринимать философские тексты как своего рода письма?

Ведь преподаватель философии во время своих занятий представляет не министерство образования, а Сократа (традицию философской беседы которого он продолжает). Сократ же, как известно, называл своих учеников со-беседниками, или друзьями. С друзьями ведут разговор, если друг рядом, или же пишут письма, если он далеко. Именно в качестве писем, адресованных каждому лично, и нужно рассматривать тексты, с которыми студенту (и преподавателю) предстоит встретиться.

Здесь возникает один нюанс, который, на первый взгляд, может смутить: статья по отношению ко мне (как читателю) нечто безличное, не затрагивающее меня напрямую; письмо же требует не читателя, а адресата и, тем самым, предполагает более интимное, личностное отношение к себе. Могу ли я рассматривать философские тексты как письма, а себя — в

¹ *Ницше Ф.* Esse homo. Как становятся сами собою. <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/ecce-homo/eh>

качестве их адресата? Не слишком ли это? Не лучше ли сохранять некоторую дистанцию по отношению к ним?

Вряд ли это получится, ведь то, что отличает философское размышление от любого другого, — это очень личный (интимный), обращенный прежде всего к самому себе, характер философского вопрошания. Образцом этого является, как это ни покажется странным, физиолог Иван Павлов, точнее, случай, произошедший с ним в момент смерти: почувствовав начавшуюся агонию, Павлов созвал студентов и, желая передать им уникальный опыт умирания живого, велел взять тетрадки и записывать все, что он будет им диктовать. Он проговаривал все, что с ним происходило: как медленно холодели ноги, остывали руки, затруднялось дыхание — студенты плакали, но записывали. Пока, наконец, речь Павлова не оборвалась: он умер. В момент этой странной лекции в комнату, где все это происходило, постучали и кто-то спросил: «Можно академик Павлова?» «Нет, нельзя, — отозвался Павлов. — Павлов очень занят: он умирает».

Опыт самого себя лежит в основе опыта восприятия и общения с миром, он первичен и невосполним (невозместим и незаместим). Английский философ XVII в. Джон Локк в предисловии к своей книге «Опыт о человеческом разумении»² извинялся перед читателями за ее возможные промахи и недостатки; все ошибки и недочеты он объяснял тем, что он описал свой собственный опыт — он исследовал опыт разума самого себя. Он сам служил себе и материалом, и инструментом своего исследования. Этот момент, глубоко личный, мы всегда упускаем из виду. Беря в руки книгу, мы не замечаем того, что касаемся руками не текста, а души автора, который преподносит нам самого себя. Исповедальное отношение автора (к самому себе, к своей работе — мышлению, философствованию) делает нас (приглашает нас стать) его адресатами (собеседниками). Именно это, а вовсе не наша прихоть или капризное волеизъявление позволяет нам вступить в диалог с автором, и, соответственно, ситуация этого диалога требует такого же личного (честного) отношения и с нашей стороны.

² Локк Д. Опыт о человеческом разумении. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000468/st000.shtml>

Философ ведет разговор с нами всегда от первого лица, и наш диалог с ним оказывается возможен только тогда, когда мы начинаем также обращаться к нему от своего имени. «Заговори, чтобы я тебя увидел», — сказал Сократ. Мы не всегда осознаем, что сквозь века и тысячелетия это обращено к нам.

Возвращаясь к проблеме восприятия и понимания текста, обозначенной в самом начале, необходимо заметить, что существуют определенные правила обращения с текстом. Об одном из них рассказал М. К. Мамардашвили: «Нам необходимо умение обращаться с текстами, умение понимать, о чем в них говорится и что из них следует. Искусство обращения с текстами требует великодушия — это допущение того, что может быть что-то другое, чем мы сами, и нельзя требовать, чтобы мир соответствовал нашему уровню развития, нашим представлениям, нашим мыслям. Великодушие — это великая душа, способная вместить иное, не дрогнув. События в мире (и в мысли) не обязаны быть нам приятными, не обязаны нас улаживать. Значит, читая текст, который может показаться непонятным, мы должны сделать допуск великодушия, что в этом тексте есть все-таки что-то, что достойно понимания и внимания. И тогда мы будем обращаться с ним по правилам расшифровки, интерпретации»³.

Великий французский философ эпохи Просвещения Вольтер как-то после жаркого спора сказал своему собеседнику: «Вы знаете, я не согласен ни с одним Вашим словом, но я готов отдать жизнь за то, чтобы Вы могли высказать его свободно». Что это означает? Почему Вольтер так сказал? Как это противоречит обыкновенному нашему представлению, согласно которому «авторская позиция вызывает уважение, так как мое мнение совпадает с авторским!» Это откровенное студенческое заявление выдает сам принцип, которым мы неосознанно руководствуемся, когда читаем или слушаем кого-либо, кроме себя: насколько авторская позиция подтверждает мою собственную. Но в чем заключается понимание (диалог), чтобы ради него стоило Вольтеру рис-

³ Мамардашвили М. К. Современная европейская философия (XX век). URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000229/index.shtml>

ковать своей головой? Разве в соглашательстве? Нет. В способности вместить Другого. Понять мысль — означает понять не то, что она значит, не определить ее содержание, скрытое или явное, а понять, как она была подумана (задумана), ради чего (благодаря чему). Как писал немецкий философ XX в. Мартин Хайдеггер, «мы чтим философа тем, что мы мыслим. А это требует от нас мыслить все то существенное, что мыслилось его мыслью»⁴.

Дело в том, что зачастую мы подходим к тексту с потребительской установкой: в надежде что-то получить — знание, информацию, ответ на вопрос. А что если не столько мне нужен текст, сколько я нужен тексту — автору — в качестве «дальнего собеседника», в существование которого так верили Осип Манделштам и Марина Цветаева, просившая своих читателей: «Послушайте! Еще меня любите за то, что я умру!» Почему так важно не уйти (так и остаться) не понятым? Что это: желание славы или последняя попытка самооправдания? Ни то, ни другое, просто автор (так же, как и каждый из нас) хочет быть не прочитанным, а услышанным, ведь «счастье — это когда тебя понимают».

Отношение к тексту не может быть равнодушно-безучастно-нейтрально-любопытным, а именно это и случается с нами всякий раз, когда мы начинаем обращаться с текстом, как патологоанатом с трупами в морге, забывая, что текст (автора) нужно не препарировать, а понимать, потому что чтение — это всегда разговор на «ты» (тет-а-тет).

Вспоминается, как однажды М. К. Мамардашвили достал для студентов недавно переведенное «Письмо о гуманизме» М. Хайдеггера и решил устроить семинар, на котором они могли бы его обсудить; завершилось все неудачей, как он сам об этом рассказывал: «То ли потому что стеснялись, то ли по какой-то другой причине, но никто ничего не сказал, *хотя я заклинал их сказать хоть слово...*»⁵ Заставляет остановиться и задуматься последняя часть фразы (которую

⁴ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Исток художественного творения / М. Хайдеггер. М. : Академический проект, 2008. С. 353–354.

⁵ Мамардашвили М. К. Современная европейская философия (XX век).

мы именно поэтому выделили курсивом): это не приказ преподавателя ученикам «сказать хоть слово», это закливание-мольба — просьба, так обращаются только к другу. И наша задача как собеседников и друзей в этом случае — не оставить автора без ответа, однако ответ этот не должен звучать как приговор.

Вспоминается один исторический анекдот: как-то странствующий миссионер, прибыв на один из островов в Тихом океане, решил, прежде чем начать проповедь, узнать, какие представления у местных жителей о добре и зле. «Что такое зло и что такое добро?» — спросил он одного из них и получил ответ: «Добро — это когда я уведу чужой скот и чужих жен, а зло — когда у меня». Наше поведение в диалоге зачастую строится, копируя логику этого жителя далеких островов. Итогом этого бывает (взаимо)непонимание. Чтобы этого избежать, необходимо помнить (держать про себя) мысль выдающегося русского философа XX в. Владимира Вениаминовича Библихина: «Если, интерпретируя события, людей, прошлое, мы не понимаем, что с людьми было всегда, как со мной сейчас, — все обесценивается»⁶.

Если чтение (да и сама философия) — это диалог, то что должно быть его итогом? Согласие или несогласие? Ни то, ни другое, ведь, по слову В. В. Библихина, философ пишет свои статьи и книги «не для того, чтобы что-то объяснить себе и другим, а чтобы поставить еще раз свои вечные вопросы»⁷. Потому итогом этой беседы (= чтения) является вопрошание себя самого. Переадресовывание вопросов от автора к себе и есть ответ на эти вопросы.

Если нам бывает трудно во время чтения, то это не значит, что автору было легче. Наоборот: «Философ, который воинственен, вызывает проблемы на поединок»⁸ (Ф. Ницше). Можно, опираясь на опыт Ницше, попытаться рассматривать философские тексты-письма как своего рода приглашение на рыцарский турнир, где вызов (очередная фи-

⁶ Библихин В. В. Узнай себя. СПб. : Наука, 1998. С. 426.

⁷ Библихин В. В. Искусство и обновление мира // Слово и событие. Писатель и литература / В. В. Библихин. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 333.

⁸ Ницше Ф. Указ. соч.

лософская проблема или вопрос) — это не попытка поставить нам подножку, а оказание чести, признание того, что мы можем стать достойным собеседником и другом, а значит, диалог состоится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибихин В. В. Искусство и обновление мира // Слово и событие. Писатель и литература / В. В. Бибихин. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — 416 с.
2. Бибихин В. В. Узнай себя. — Санкт-Петербург : Наука, 1998. — 577 с.
3. Локк Д. Опыт о человеческом разумении. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000468/st000.shtml>
4. Мамардашвили М. К. Современная европейская философия (XX век). URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000229/index.shtml>
5. Ницше Ф. *Esse homo*. Как становятся сами собою. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/ecce-homo/eh>
6. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Исток художественного творения / М. Хайдеггер. — Москва : Академический проект, 2008. — 528 с.

М. А. Корецкая

Парадоксы христианской теологии власти: монотеизм и амбивалентность сакрального¹

1. Метаморфозы сакрального: от политеизма к монотеизму

Как известно, самый древний и, пожалуй, до сих пор самый действенный способ легитимации власти² заключается в ее сакрализации, обосновывающей иерархию профанного мира иерархией мира сакрального. В этой логике если некто обладает властными полномочиями, то это потому, что он свыше наделен сакральным избытком (маной, харизмой, фарном³). Однако приоритетный доступ к космогоническим

¹ Данное исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Амбивалентность власти: мифологический, онтологический и практический аспекты» (проект РГНФ № 14-03-00218).

² Под легитимностью, как правило, имеется в виду признание власти как правомерной и справедливой со стороны подвластных, принятие господства со стороны тех, над кем это господство осуществляется. Соответственно, легитимация представляет собой способы обоснования и оправдания властных отношений. При этом, как утверждал К. Шмитт, легитимность может существенно не совпадать с легальностью, под которой понимается соответствие действий власти принятым законам. Легальная власть может утрачивать легитимность, легитимная — суверенным решением установить ситуацию «чрезвычайного положения», выходящего за пределы нормального права и установленных законов. В этом смысле проблематизация «теологического» способа обретения властью легитимности позволяет пролить свет на феномен суверенного решения (см.: Шмитт К. Легальность и легитимность // Государство: право и политика / К. Шмитт; пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 221–306).

³ Мана, харизма, фарн — в различных культурах наименование своего рода сакральной энергии. Мана в верованиях народов Меланезии и Полинезии — существующая в природе сакральная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы, а также «духи». Манипулирование маной при-